

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

О.А. КАЖАНОВ

СОЦИАЛЬНОЕ «ПОРТРЕТИРОВАНИЕ» ЭЛИТ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация. Статья посвящена изучению истории электоральных эмпирико-социологических исследований в дореволюционной России. Анализируется использование метода социального «портретирования» представительных элит для выявления специфики поведения российских избирателей на муниципальных и общенациональных политических выборах рубежа XIX–XX веков. Рассматриваются работы отечественных публицистов Н. Бородина, А. Смирнова, Г. Шрейдера, которые придерживались следующего методологического принципа: социальные характеристики элиты содержат важную информацию об электоральном выборе населения, указывая на то, кто и как, по мнению избирателей, должен представлять их интересы во властных структурах. Показано, как на основе данных нарождавшейся в стране электоральной статистики авторы выделяли социальные группы в депутатском корпусе, изучая такие параметры избранных лиц, как возраст, уровень образования, имущественное положение, статус, место во властных отношениях и т. д. При сопоставлении полученных результатов были сделаны выводы о мотивах и настроениях голосующих, об особенностях социальной представительности выборных элит. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии глубоких исторических корней отечественной эмпирической социологии элит.

Ключевые слова: политическая элита; социальный состав элиты; электоральный выбор; история политической социологии в России; эмпирико-социологические исследования.

Для цитирования: Кажанов О.А. Социальное «портретирование» элит как метод изучения поведения избирателей в России на рубеже XIX–XX веков // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 129–142. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4589

Кажанов Олег Александрович — кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, Смоленский государственный университет.

Адрес: 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4.

Телефон: +7 (908) 282-27-40. **Электронная почта:** kazhanov@bk.ru

Одной из быстроразвивающихся дисциплин в системе общественных наук является современная элитология. Она имеет комплексный междисциплинарный характер. Область ее познания лежит на стыке политологии, социальной философии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии и других наук [2, с. 124].

Большое влияние на становление элитологии оказывает и социология. Неслучайно в рамках структуры науки выделяют и социологию элиты, которая, отвлекаясь от морализаторских оценок, выявляет элиту в обществе и в различных социальных группах по таким параметрам, как имущественное положение, статус, место во властных отношениях [2, с. 133].

Составление социологического портрета группы людей, принимающих важнейшие государственные решения и направляющих действия большинства, достаточно продуктивно при рассмотрении представительности элиты. Информация о различных социальных параметрах последней позволяет оценить, во-первых, в каком соотношении в ее составе представлены различные слои и группы и, во-вторых, насколько она может выражать и отстаивать интересы этих слоев и групп. Компаративистский подход в таком исследовании позволяет вскрыть основные направления смены элит в обществе. Достаточно показательны в этом отношении работы О. Крыштановской, которая на основе анализа биографий представителей четырех поколений отечественной элиты — брежневской, горбачевской, ельцинской и путинской — выявила, кто и как управлял страной на протяжении второй половины XX — начала XXI века [см., например: 8–10].

Однако малоизвестен тот факт, что использование социального «портретирования» элиты в отечественных эмпирических исследованиях имеет длительную историю и использовалось еще в дореволюционный период. Изучение поведения россиян на муниципальных, а позднее на общенациональных думских выборах потребовало от электоральных аналитиков более продуктивных способов работы с фактологическим материалом, чем личные наблюдения или использование материалов периодической печати, которые часто были субъективными.

Зарождение электоральной статистики стимулировало количественные измерения итогов голосования, которые фиксировали устойчивые объективные тенденции в поведении лиц, наделенных избирательным правом. «Следя внимательно на протяжении долгих лет, на примере многочисленных всеобщих голосований за движением избирательной статистики, — писал русский партиолог П. Берлин, — исследуя внимательно вопрос, почему голоса избирателей то бурно приливают к избирательным урнам, а то испуганно от них отливают, движутся зигзагами, отклоняясь то влево, то вправо, но всегда при этом вырисовывая известную “кривую”, социолог может установить на

этом основании гораздо более надежные и точные социальные законы, чем на основании темных рассуждений об особенностях народного “духа” и народной “души”» [3, с. 108].

Методологический подход при изучении механизма электорального выбора строился на выяснении связи между социальным положением избирателей и результатами их голосования на выборах. В этом плане эмпирико-статистические исследования включали ряд направлений. Одним из них было количественное измерение пропорций социальных групп, получавших избирательные права на основе принимаемых избирательных законов. Это позволяло строить предвыборные прогнозы относительно возможных итогов голосования. Не менее популярным было изучение официальных итогов голосования в том случае, когда выборы предполагали острую конкурентную борьбу. Полученные результаты позволяли оценить правильность сделанных прогнозов и помогли найти объяснение причинам сложившейся ситуации. Известны исследования, которые интегрировали указанные подходы [6].

Существовало и третье направление в работе с электоральной статистикой. Его представители считали, что социальные характеристики элиты содержат важную информацию об электоральном выборе населения, указывая на то, кто и как, по мнению избирателей, должен представлять их интересы во властных структурах.

Одним из первых к этому методу исследования обратился Г. Шрейдер, изучавший электоральную активность цензового мещанства на выборах в органы городского самоуправления второй половины XIX века [14]¹. Доказывая, что бедные и малообразованные низы способны к сознательной и организованной выборной деятельности, он попытался перейти от личных наблюдений и ссылок на материалы прессы к позитивным методам анализа. Свое эмпирическое исследование автор построил на анализе данных о выбранных членах муниципалитетов 30–35 городов Европейской части Российской империи. Эти данные были собраны в одном из провинциальных изданий, посвященных состоянию городского хозяйства перед реформой 1892 г.² [см.: 1]. Оно содержало информацию о последнем избирательном

¹ Выборы имели «разрядный» характер, то есть проходили отдельно в трех группах — «разрядах» — избирателей, объединенных цензовыми характеристиками.

² Принятое 11 июня 1892 года «Городовое положение» изменяло как численный, так и социальный состав выборщиков в «городских поселениях» путем ввода имущественного вместо существовавшего ранее податного ценза. Новое законодательное установление уменьшало количество лиц, обладающих правом голоса, отстраняя от участия в городском самоуправлении трудовые массы, мелкую буржуазию (небогатых торговцев, приказчиков и проч.).

периоде в рамках прежнего избирательного права. В работе были представлены именные списки градоначальников, членов управ и гласных дум с подразделением на разряды, с указанием возраста, профессии, образовательного ценза, времени первого избрания и количества переизбраний, размера оклада и т. д. По мнению самого Г. Шрейдера, в его руки попал уникальный материал, которого не было в других известных ему работах по данной проблематике. Анализ собранных данных позволил составить социальный портрет муниципальной элиты в динамике, что вывело исследователя на объективные данные, характеризующие основные направления электорального выбора избирателей различных разрядов.

Так как представленная вторичная фактологическая информация не была адаптирована к целям исследования, Г. Шрейдер обработал ее, осуществив следующие операции: расчет одномерного распределения признаков, построение группировок признаков, выявление зависимостей между ними. Результаты были отображены графически в виде серии статистических таблиц, анализ которых давал убедительные доводы в поддержку выдвинутой автором гипотезы.

Изучая данные об избрании и переизбрании гласных, исследователь отметил наличие двух категорий депутатов: одни из них имели солидный опыт работы в городских думах разных созывов («старожилы»), другие избирались впервые («новички»). Первую группу составляли 40,1%, а вторую — 35,4% гласных. При распределении этих лиц по избирательным разрядам, указывает Шрейдер, выясняется, что «верхи» предпочитают сохранять «проверенный» состав депутатов, а «низы» выступают за ротацию кадров [14, с. 142].

Эти данные коррелируют с результатами анализа того, как обновляется корпус гласных по каждому разряду. Более половины представителей первого разряда имели стаж депутатской деятельности от 12 до 16 лет и более. Среди депутатов от второго разряда таковых насчитывалось 42,3%. По мнению исследователя, ротация кадров была связана с естественными причинами (смерть, болезни, миграция, потеря ценза и т. д.). Иную картину представляют данные о составе корпуса гласных третьего разряда. Лишь десятую его часть можно было отнести к «старожилам», в то время как «новички» составили более половины [14, с. 143].

Далее исследователь пытается выявить причины такого интенсивного обновления представительского состава в рамках третьего разряда. Его заинтересовал образовательный уровень гласных, представлявших разные социальные слои населения города. Из 510 лиц с высшим и средним образованием 330 составили «старожилы» и 180 — «новички». Распределение гласных по разрядам показывало, что в третьем разряде число последних возрастало значительно быстрее, чем в первом и во втором. Более интенсивный процесс ротации

кадров повышал и общий средний образовательный уровень думских представителей мещанских слоев [14, с. 143].

Как показал анализ состава исполнительных органов городского самоуправления, высшие должности в управах занимали гласные первого (50,5%) и второго (30,4%) разрядов. Представители «низов» были по большей части лишены возможности получить высокие должностные оклады. Однако, по данным Г. Шнейдера, в расчете на одного человека гласные от мещанства получали больше, чем представители первого и второго разрядов. Это касалось лиц в статусе городского головы, заступающих на его место, и членов городских управ. По мнению исследователя, повторяемость явления неслучайна. «Высшая оценка труда одного и того же рода, — заключал он, — дает основание предполагать в данном случае, что третий разряд гласных выделял из своей среды лучших работников в думских должностях, чем другие разряды» [14, с. 145].

О качественном электоральном выборе мещан свидетельствовали и данные об образовательном цензе гласных. Г. Шрейдер разделил последних на две группы — лица с высшим и средним, а также с низшим и домашним образованием, — выделив сумму денежного вознаграждения, которая в среднем приходилась на представителя каждой из этих групп. Расчеты показали, что уровень образования значительно влиял на оплату управленческого труда [14, с. 145].

Судя по статистическим данным, большую часть членов городских управ с высшим и средним образованием составляли выборные из мещанской среды. «А в таком случае, — указывает автор, — они, в общем, должны были получать и высшее вознаграждение за лучший труд, высшего качества, большой напряженности и большой продуктивности» [14, с. 146].

Общий вывод исследователя абсолютно противоречил расхожему представлению об избирателях третьего разряда как о «недисциплинированной дикой орде». «Это был именно тот разряд избирателей, — указывал Г. Шрейдер, — который напрягал все усилия с целью сделать ряды муниципалов наиболее живыми и просвещенными и который в этих видах отдавал в распоряжение муниципальных учреждений все, что было в его среде лучшего, наиболее образованного, энергичного и жизнедеятельного» [14, с. 146].

В таком утверждении, как отмечает сам исследователь, содержится определенный парадокс. С одной стороны, и это не подлежало сомнению, цензовое мещанство по уровню образованности резко уступало городским «верхам», будучи на половину малограмотным, а на треть — неграмотным. С другой стороны, оно больше, чем избиратели других разрядов, проводило в состав думских гласных лиц с высшим и средним образованием.

Это противоречие исследователь объяснял достаточно просто. «Низы» ценили образованность кандидата как средство для эффек-

тивной защиты групповых интересов в муниципальных органах. Из предлагаемых альтернатив они в большинстве случаев отдавали предпочтение тем лицам, которые имели дипломы средних и высших учебных заведений. Анализируя динамику социальной структуры городского населения перед реформой 1892 г., Г. Шрейдер убеждается, что в его составе увеличивалось число образованных людей, не связанных с домовладением, торговлей и промышленностью, — своеобразных «интеллектуальных пролетариев». Причиной таких трансформаций был стремительный культурный рост городов, результатом которого стало увеличение числа арендаторов квартир с высоким уровнем образования. Их независимость от внешнего давления, а также желание участвовать в делах городского самоуправления, считает автор, стали причиной того, что, купив дешевый домик в пригороде или приобретя промышленное свидетельство, «интеллектуальные пролетарии» вступали в ряды цензового мещанства и предлагали свои услуги в качестве представителей этого сословия в местном самоуправлении. Как только появлялась гарантия того, что эти люди не изменят интересам избирателей, начиналась активная поддержка их на выборах. Единичные случаи от выборов к выборам стали складываться в устойчивую тенденцию, и последняя избирательная кампания перед реформой 1892 г. показала увеличение доли образованных гласных от третьего разряда на 72% [14, с. 148].

Изучив первые выборы после введения «Городового положения» 1892 г. и последующие четыре года работы муниципальных органов, Г. Шрейдер убедился в значительном изменении ситуации.

В новых органах городского самоуправления резко уменьшилось число «новичков» и увеличилось число думских «старожилов». Среди последних оказалось большое количество лиц, которые раньше проигрывали избирательные кампании. При этом наблюдался рост числа гласных с высшим и средним образованием, который Г. Шредер называл мнимым. Изменилось социальное положение этой группы депутатов. «Нынешние думские интеллигенты, — пишет исследователь, — будь то врачи, адвокаты, инженеры и т. д., — очевидно не могли быть гласными, если бы они не были или крупными домовладельцами, или крупными промышленниками» [14, с. 151]. Эти члены народного представительства менее всего будут озабочены интересами городской бедноты. Анализируя деятельность ряда муниципалитетов в сфере образовательной политики, Шрейдер приходит к неутешительному выводу: городские центры остались в стороне от этого движения, сокращая расходы на образование, отказываясь строить новые школы и народные училища. «В области муниципальных забот о народном образовании 1892 г. ясно образует демаркационную линию, по ту сторону которой расходы на школьное дело абсолютно возрастают, по эту сторону — абсолютно падают» [14, с. 153].

Наконец, наряду с мнимым повышением образовательного уровня думцев, после реформы наблюдалось абсолютное сокращение образовательного уровня членов городских управ. Г. Шрейдер объясняет это низким уровнем оплаты труда, что не устраивало хорошо обеспеченные слои интеллигенции: крупных врачей, адвокатов, чиновников.

Общий вывод исследователя однозначен: реформа 1892 г., лишив избирательных прав основную массу городского населения, устранила от участия в управлении наиболее энергичных и деятельных элементов и затормозила процесс развития городского самоуправления в стране.

Изучение электорального выбора россиян методом социального «портретирования» представительной элиты продолжилось в период выборов в Государственную думу Российской империи (1906–1912 гг.). Наибольшую известность получило статистическое анкетирование членов нижней палаты первого созыва, проведенное депутатом Н. Бородиным [4]. С одной стороны, результаты анкетирования свидетельствовали о достаточно быстром и эффективном развитии методико-инструментальной базы отечественных прикладных электоральных исследований начала XX века [подробнее см.: 7]. С другой стороны, оно позволило получить многоаспектную фактологическую информацию, анализ которой вскрывал политические установки избирателей относительно того, как должно работать народное представительство.

Опросный лист включал следующие вопросы: имя, отчество и фамилия депутата, от какой губернии, области или города баллотировался, избирателями какой курии избран, возраст, уровень образования, вероисповедание, национальность (племенной состав), сословие, профессия или занятие, имущественное положение (по числу десятин земли или по заработку), принадлежность к политической партии и парламентским группам. Ответы, полученные от 448 депутатов, были обработаны и проанализированы исследователем, в результате сделаны выводы о надеждах российских избирателей, связанных с работой Думы. В связи с ограниченностью объема статьи отметим лишь некоторые направления этого исследования.

Одним из них является изучение возрастных характеристик депутатского корпуса. Используя интервал шкалирования в 10 лет, Н. Бородин приводит следующую группировку думцев по возрасту: менее 30 лет (7,3%), от 30 до 40 лет (40,4%), от 40 до 50 лет (37,2%), от 50 до 60 лет (12,0%), более 60 лет (3,1%). Факт, что более $\frac{3}{4}$ депутатов находятся в расцвете физических и умственных сил, характеризует ориентацию российского избирателя на деятельный парламент, способный к политическому реформаторству.

Используя страново-компаративистский подход, Н. Бородин пришел к выводу, что первая российская Дума значительно «моложе» западных народных представительств. Если доля депутатов в возрасте до

35 лет в германском рейхстаге и во французской палате представителей насчитывала всего 5%, то в законодательном органе российской государственной власти их было около 20%. Народные избранники в возрасте свыше 60 лет в депутатских корпусах Германии и Франции составляли 17–22%, среди российских «слуг народа» их было 3% [5, с. 9].

Альтернативой психологическому настрою думцев мог стать консерватизм лиц, формировавших верхнюю палату — Государственный Совет (как по избранию, так и по назначению), средний возраст которых составлял более 50 лет. Фиксируя существенную разницу в возрасте депутатов и сенаторов, Н. Бородин предвидел возможные трудности в работе первого в политической истории индустриальной России народного представительства.

Изучая образовательный уровень членов I Государственной думы, Н. Бородин обнаружил, что российские избиратели ориентируются на образование кандидатов, полагая его одним из факторов эффективной политической деятельности. Бородин констатирует существенные диспропорции в этом плане между выбранным депутатским корпусом и основной массой населения страны. В стране, где, согласно переписи 1897 г., число неграмотных достигало 70,7%, лишь два депутата (0,4%) заявили о том, что они не умеют читать и писать. 42,1% респондентов указали, что они имеют высшее образование, в то время как число лиц с высшим образованием в составе российского населения измерялось сотыми долями процента. Достаточно высоким оказалось количество думцев со средним и низшим (38,5%), а также с «домашним» образованием (18,9%). В большинстве случаев, указывает Н. Бородин, среднее образование было получено в учительских семинариях, низшее — в начальных народных школах (как в земских, так и в министерских), а под лицами с «домашним» образованием скрывались самоучки, которые научились читать и писать, проходя воинскую службу [4, с. 14]. Большинство депутатов последней категории считали себя малограмотными.

Анализируя полученные данные, исследователь констатировал: на выборах сельское население отдавало предпочтение учителям, особенно имевшим крестьянское происхождение, а городское — лицам с университетским образованием. «При довольно обширном участии в выборах крестьян, — писал Н. Бородин, — это явление может быть объяснено не чем иным, как желанием безграмотного и малограмотного народа провести в парламент более знающих и более образованных людей, чем они сами» [4, с. 14–15].

Статистический анализ он дополняет фактами из прошедшей избирательной кампании, приводя случай выбора депутата от казачьего населения Уральской области. Основная масса выборщиков состояла из простых казаков, а кандидатами выступали высокопоставленный военный чин и представитель штатской интеллигенции.

Непопулярность первого из них заставила его сторонников предложить избирательному собранию простого казака, который проиграл выборы, получив в поддержку голоса двух-трех выборщиков из шестидесяти одного. Основная причина произошедшего, по мнению Н. Бородина, состояла в желании голосующих иметь в Думе своего представителя из «ученых» людей [4, с. 15].

Статистико-социологическое исследование Н. Бородина позволило провести сравнительный анализ конфессионального и этнического составов депутатского корпуса I Государственной думы, выделив общие тенденции электорального выбора в этом отношении³. Доминирование русского избирателя, причем это название имело собирательный характер, включая великороссов, малороссов, белорусов и даже совершенно обрусевших представителей малых народов — мордвы, чувашей, вотяков, болгар, молдован и т. д., определяло специфику этнического состава думцев. Вместе взятые, они составили, по расчетам Н. Бородина, 76,1% общего числа депутатов. Общее число респондентов, отнесших себя к представителям православной религии, мало расходилось с вышеуказанной цифрой и составляло 75,6%.

Социальная представительность «инородцев» не всегда соответствовала численному соотношению представителей этноса в «племенном» составе страны. Так, избиратели русских городов активно голосовали за поляков как за представителей культурного и развитого народа, дав возможность заниматься политической деятельностью в том числе таким известным социологам, как Л. Петражицкий и Г. Шершеневич. В то же время остзейские (прибалтийские) немцы, игравшие большую роль в государственной жизни Российской империи, не были представлены в палате. По мнению Н. Бородина, их активное участие в подавлении народных движений коренного населения в период первой русской революции привело к тому, что выдвинутые кандидатуры на выборах были забаллотированы [4, с. 18–20].

Исходя из сравнительного анализа группировочных таблиц, фиксировавших деление членов парламента по сословиям, профессиям и роду занятий, Н. Бородин выделил три основные группы парламентариев: крестьяне-земледельцы (около трети состава Думы), землевладельцы (около четверти состава парламента) и люди свободных профессий, в первую очередь представители трудовой интеллигенции (еще около четверти).

³ Необходимо учитывать тот факт, что выборы в национальных окраинах продолжались в период работы I Государственной думы, и полностью проанализировать этнический состав депутатского корпуса не представлялось возможным. На 26 июня 1906 г., указывает исследователь, в составе парламента отсутствовали депутаты от Туркестана и Восточной Сибири, где выборы еще не были проведены, а также не прибыли представители некоторых степных областей и Кавказа [см.: 4, с. 72].

Большое количество беспартийных думцев и активный переход членов палаты из одной фракции в другую указывали на то, что партийные предпочтения избирателей имели достаточно условный характер [4, с. 37].

Исследование Н. Бородина показывало надуманность идеологических нападок со стороны левых и правых оппонентов, обвинявших Думу либо в засилье «эксплуататорских» классов, либо в господстве «инородческих» элементов.

Метод социального «портретирования» представительной элиты применялся в эмпирико-электоральных исследованиях и в периоды выборов во II и III Государственные думы. Это позволяло отслеживать динамику политических предпочтений избирателей. К сожалению, эти исследования базировались на неполной вторичной фактологической информации, опубликованной в прессе, и не охватывали весь депутатский корпус, что сказывалось на объективности аналитических выводов. В то же время они фиксировали определенные тенденции как в социальных характеристиках думской элиты, так и в представлениях россиян о том, кто и как должен управлять страной.

Сравнительный анализ возрастного состава депутатов Государственной думы 1-го и 2-го созывов, проведенный А. Смирновым⁴, подтвердил ориентацию избирателя на «омоложение» российского парламента. Хотя численный состав народных представителей среднего возраста (30–40 лет) остался прежним, количество лиц от 25 до 29 лет увеличилось почти втрое. Стало меньше депутатов в возрасте от 40 до 50 лет и почти в полтора раза сократилось количество «стариков» (50 лет и старше). Больше всего молодых людей (до 35 лет), как указывал А. Смирнов, было среди крестьянских депутатов (40,6%). В то же время соотношение возрастных групп в их среде уравнивалось достаточным числом лиц в возрасте от 40 до 49 лет (каждый третий). Народных избранников старше 50 лет среди них примерно вдвое меньше (5,9%), чем среди депутатов других социальных групп (13,3%). Тем самым подтверждалась ориентация российского общества на проведение социально-политических реформ в стране.

Выборы в III Государственную думу, как отмечал обозреватель кадетской газеты «Речь» [12], изменили зафиксированную ранее тенденцию. Анализ возрастного состава 265 членов нового российского парламента показал, что они старше представителей двух первых Дум. Лиц старше 50 лет стало 28%, а моложе 30 лет — 5,3%, тогда как в I Думе это соотношение было 15 к 7,3%, а во II Думе — 10,4 к 19,5%. Причиной

⁴ В период проходившей избирательной кампании исследователь собрал необходимые сведения лишь о 182 избранных (из них 69 — крестьянские депутаты), проанализировав материалы периодической печати [11].

стало изменение электорального законодательства 3 июня 1907 г., установившего преимущества при голосовании для представителей крупного помещичьего землевладения и торгово-промышленных слоев города.

Сравнительный анализ образовательного уровня депутатского корпуса Государственной думы 1-го и 2-го созывов, проведенный А. Смирновым [11]⁵, указывал на определенную связь между возрастом и грамотностью народных избранников. Более молодой состав депутатов от крестьян привел к тому, что увеличилось число лиц со средним (преимущественно учителя) и низшим образованием при резком сокращении числа самоучек. По мнению автора, это связано с тем, что лица старших возрастов учились грамоте в то время, когда на селе не было школ. Лишь несколько меньший процент дали депутаты с высшим образованием. Хотя исследователь не объясняет причины последнего, можно предположить, что одним из факторов стало давление административного ресурса. Правительство П. Столыпина делало все возможное, чтобы не допустить к работе в новой Думе тех представителей «профессуры», которые получили общественную популярность по предыдущей парламентской работе. В этом плане достаточно вспомнить судьбу М. Ковалевского, которому было запрещено баллотироваться во II Государственную думу.

Уровень образования депутатского корпуса III Государственной Думы, как отмечал обозреватель газеты «Речь», оказался несколько выше, чем предыдущих народных представительств. Из 357 его членов 48,7% имели высшее образование, в то время как в I Государственной думе их было 42,1%, а во II Думе — только 38,6%. Число лиц со средним образованием увеличилось до 25% (в I Думе — 13,8%, во II Думе — 20,8%). Депутатов-самоучек осталось примерно столько же, сколько было в предшествующем парламентском наборе, — 8% (в I Думе — 19,3%). Происходящие изменения исследователь объясняет социальными квотами нового избирательного закона, согласно которым фиксировалось думское преобладание представителей крупного землевладения над крестьянскими депутатами. Это во многом повлияло на рост числа народных избранников с высшим образованием. Кроме того, активное участие в избирательной кампании духовенства увеличило количество депутатов со средним образованием (главным образом за счет священников) [12].

В тоже время сравнительный анализ профессионального состава депутатов II и III Государственных дум свидетельствовал о том, что консервативные настроения среди народных представителей только усиливались. На смену учителям, крестьянам и рабочим приходили предводители дворянства, земские руководители, генералы и другие «служивые» люди, которые явно не симпатизировали реформаторской политике в стране.

⁵ Исследователь собрал сведения о 292 депутатах II Государственной думы.

Далеко не полный анализ электоральной мысли прошлого свидетельствует о том, что социология элиты в нашей стране имеет глубокие исторические корни, и эмпирические исследования в рамках этого направления активно проводились и были известны широкой общественности еще в дореволюционной России. Их изучение расширяет научные представления о становлении отечественной политической социологии, существование которой одним из первых обозначил еще в конце XIX века русский правовед В.В. Ивановский. Наряду с фундаментальной социологической теорией политики он выделял социологическую политику как особую, прикладную форму социальной науки, использующую выводы фундаментальной социологии [13, с. 526].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алабин П.В.* Сборник сведений о настоящем состоянии городского хозяйства в главнейших городах России / Сост. П. Алабин и П. Коновалов. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1889. — 908 с.
2. *Ашин Г.* Элитология в системе общественных наук // *Общественные науки и современность.* 2003. № 4. С. 124–134.
3. *Берлин П.* Роль деревни и города в политической жизни // *Образование.* 1907. № 1. С. 108–124.
4. *Бородин Н.А.* Государственная Дума в цифрах. СПб.: Издание Товарищества «Общественной Пользы», 1906. — 72 с.
5. *Бородин Н.* Личный состав первой Государственной Думы, ее организация и статистические сведения о членах // *Первая Государственная Дума. Выпуск первый. Политическое значение первой Думы.* СПб.: Издание Товарищества «Общественной Пользы», 1907. С. 1–39.
6. *Горн В.* Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3-й Думы. (Политико-статистический этюд) // *Современный мир.* 1907. № 7–8. С. 1–35.
7. *Кажанов О.А.* Статистическое анкетирование как метод изучения социального состава I Государственной Думы (1906) (на примере исследования Н. Бородина) // *Известия Смоленского государственного университета.* 2010. № 4. С. 330–337.
8. *Крыштановская О.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1. С. 51–65.
9. *Крыштановская О.* Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // *Общественные науки и современность.* 2003. № 5. С. 33–39; № 6. С. 62–77.
10. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. — 384 с.
11. *Смирнов А.* Состав 2-й Государственной Думы // *Речь.* 1907. № 43. С. 2–3.
12. *Состав 3-й Государственной Думы // Речь.* 1907. № 257. С. 3.
13. *Социология в России / Под ред. В.А. Ядова.* 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. — 696 с.

14. Шрейдер Гр. Муниципальные этюды // Русское богатство. 1896. № 11. С. 138–143.

Дата поступления: 21.08.2015.

SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2016. Vol. 22. No. 3. P. 129–142. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4589

O.A. KAZHANOV

Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation.

Oleg A. Kazhanov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, Smolensk State University. **Address:** Przewalski str., 4, 214000, Smolensk, Russian Federation. **Phone:** +7 (908) 282-27-40. **Email:** kazhanov@bk.ru

**SOCIAL PORTRAYAL OF THE ELITE AS A METHOD
OF STUDYING ELECTORAL BEHAVIOR AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY**

Abstract. This article deals with the history of empirical sociological research in pre-revolutionary Russia. Analyzed is the use of a social “portrayal” method in the study of the political elite in order to identify the peculiarities of Russian electorate’s behavior at municipal and national political elections at the turn of the 20th century. Considered are works by Russian publicists such as N. Borodin, A. Smirnov and G. Shreider, who adhered to the following methodological principle: social characteristics of the elite contain important information on the electoral choice of the population, determining who and how, according to the electorate, is fit to represent their interests in government structures. The article also demonstrates how the authors used the emerging national electoral statistics to identify social groups within the parliamentary block, studying certain qualities of those elected such as age, education, property, status, position in the power hierarchy, etc. Comparing the obtained results made it possible to draw conclusions as to the voters’ motives and attitudes, as well as to the peculiarities of the social representation of elites. Based upon the conducted analysis, it is concluded that Russian empirical sociology of elites has deep historical roots.

Keywords: political elite; social composition of the elite; electoral choice; history of political sociology in Russia; empirical sociological studies.

For citation: Kazhanov O.A. Social portrayal of the elite as a method of studying electoral behavior at the turn of the 20th century. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 129–142. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4589

REFERENCES

1. Alabin P.V. *Sbornik svedenii o nastoyashchem sostoyanii gorodskogo khozyaistva v glavneishikh gorodakh Rossii*. [Collection of the information about the present state of municipal services in the principal cities of Russia.]. Ed. by P. Alabin, P. Konovalov. Samara: Tip. I.P. Novikova publ., 1889. 908 p.
2. Ashin G. Elitology in the System of social sciences. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 2003. No. 4. P. 124–134. (In Russ.)
3. Berlin P. The role of the villages and towns in the political life. *Obrazovanie*. 1907. No. 1. P. 108–124. (In Russ.)

4. Borodin N.A. *Gosudarstvennaya Duma v tsifrah*. [The State Duma is in numbers.] St Petersburg: Izdanie Tovarishchestva “Obshchestvennoi Pol’zy” publ., 1906. 72 p.
5. Borodin N. *Pervaya Gosudarstvennaya Duma. Vypusk pervyi. Politicheskoe znachenie pervoi Dumy*. [The personnel of the First State Duma, its organization and statistical information about the members.] St Petersburg: Izdanie Tovarishchestva “Obshchestvennoi Pol’zy” publ., 1907. P. 1–39.
6. Gorn V. The electoral law on 3 June and the likely composition of the Third Duma. (Political and statistical study). *Sovremennyi mir*. 1907. No. 7–8. P. 1–35. (In Russ.)
7. Kazhanov O.A. Statistical surveys as a method of studying the social composition of the I State Duma (1906) (The case of N. Borodin). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. No. 4. P. 330–337. (In Russ.)
8. Kryshtanovskaya O. Transformation of the old nomenclature to the new Russian elite. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 1995. No. 1. P. 51–65. (In Russ.)
9. Kryshtanovskaya O. Former elite members. Trends of downward mobility of the Russian elite. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*. 2003. No. 5. P. 33–39; No. 6. P. 62–77. (In Russ.)
10. Kryshtanovskaya O. *Anatomiya rossiiskoi elity*. [Anatomy of the Russian elite.] Moscow: Zakharov publ., 2005. 384 p.
11. Smirnov A. The 2nd State Duma members. *Rech’*. 1907. No. 43. P. 2–3. (In Russ.)
12. The 3rd State Duma members. *Rech’*. 1907. No. 257. P. 3. (In Russ.)
13. *Sotsiologiya v Rossii*. [Sociology in Russia.]. Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN publ., 1998. 696 p. (In Russ.)
14. Shreider Gr. Municipal studies. *Russkoe bogatstvo*. 1896. No. 11. P. 138–143. (In Russ.)

Received: 21.08.2015.
